

СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Сопредседатели: д-р филос. наук, профессор, зав. кафедрой социо-экономических дисциплин ГОУ ВПО «ВСГАО» С. Б. Панин; канд. экон. наук, доцент кафедры социо-экономических дисциплин ГОУ ВПО «ВСГАО» Н. В. Матвеев; канд. экон. наук, доцент кафедры социо-экономических дисциплин ГОУ ВПО «ВСГАО» В. И. Метелица.

ДЕМИН Ю. А.

НЕКОТОРЫЕ СТРАНИЦЫ ИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Б. З. ШУМЯЦКОГО В ИРАНЕ

Борис Захарович Шумяцкий, профессиональный революционер и активный деятель Коммунистического Интернационала (Коминтерна), прибыл в Тегеран весной 1922 г. и занял пост заместителя полномочного представителя (полпреда) РСФСР в Иране Ф. А. Ротштейна. Назначение Шумяцкого на должность заместителя полпреда было связано с желанием Москвы усилить революционную, «коминтерновскую» работу в Иране, которой Ротштейн занимался недостаточно активно [16, с. 115–118]. После отстранения Ротштейна в конце июня 1922 г. с занимаемой должности, Шумяцкий возглавил советское полпредство в Иране вначале как поверенный в делах, а с марта 1923 г. как полпред [14, с. 162].

Шумяцкий, сосредоточив в 1922 г. в своих руках руководство дипломатической, профсоюзной и коминтерновской работой в Иране, приступил к реорганизации профсоюзов и активизировал работу по сплочению левых политических сил страны в «Национальный блок» [16, с. 132–134].

Процесс объединения левых сил в Иране начался еще в 1921 г., когда тегеранской организации Иранской коммунистической партии (ИКП) удалось установить связь с местными профсоюзами и партией «Иджгимаюн-е амиюн» («социал-демократы»), возглавляемой Сулейман-Мирзой Искандери [18, с. 67]. В начале 1922 г. совместные усилия советского полпредства, ИКП, проф-

союзов и партии социал-демократов привели к свержению кабинета Кавам-ос-Салтане. Весной-летом того же года левые при поддержке советского полпредства включились в борьбу с диктатурой военного министра Реза-хана и вновь пришедшим к власти Кавам-ос-Салтане. Осенью 1922 г. при содействии Шумяцкого профсоюзы, ИКП, «Иджтимаюн-е амийон», «Независимые социалисты», «Объединенные социалисты» объединились в «Национальный блок». Его отделения были созданы в Тегеране, Реште, Мешхеде, Тебризе, Исфагане, Керманшахе и других городах. «Нацблок» объединил буржуазию, интеллигенцию, мелких и средних помещиков, рабочих и другие слои населения. Во внешней политике «Нацблок» выступал за укрепление независимости Ирана и развитие дружеских отношений с Советской Россией [21, с. 321–322; 13, с. 77].

Создание «Национального блока» отвечало установкам Коминтерна по национально-колониальному вопросу, принятым его IV Конгрессом (ноябрь–декабрь 1922 г.). На этом Конгрессе была выработана стратегия «единого антиимпериалистического фронта» для Востока, по аналогии со стратегией «единого рабочего фронта» для Запада [12, с. 77–84].

Следующим своим делом Шумяцкий видел приход к власти в Иране независимого от англичан национально-демократического правительства. Существующее правительство Кавам-ос-Салтане вызывало недовольство Москвы антисоветской внешней политикой и преследованиями левых в Иране [14, с. 165; 21, с. 324; 24, с. 228–229; 20, с. 224]. Шумяцкий и «Нацблок» с санкции Москвы начали кампанию за свержение правительства Кавам-ос-Салтане, которая завершилась победой 25 января 1923 г. Вскоре при поддержке «депутатов согласия» (фракции «Нацблока» в меджлисе) был создан кабинет во главе с Мустоуфи-оль-Мемалеком [5, л. 39, 5; 23, с. 7072; 6].

Вскоре ЦК ИКП и Шумяцкий стали готовиться к выборам в V меджлис, которые должны были начаться в апреле 1923 г. Иранские коммунисты оценивали предстоящие выборы как судьбоносные и надеялись, что победа кандидатов от «Нацблока» приведет к тому, что Иран «вступит в новый этап жизни, в эру капиталистическую, оставив позади весь прогнивший насквозь свой феодальный строй» [5, л. 6]. Советское полпредство разделяло точку зрения ЦК ИКП и оказывало «Нацблоку» всяческую под-

держку. Так, 11 января 1923 г. Шумяцкий разослал во все советские консульства Ирана циркуляр, в котором от дипломатических работников требовалось оказывать помощь «Нацблоку» на выборах, в том числе посредством компрометации правых кандидатов и «обработкой общественного мнения в нужном направлении» [1, л. 132–132об]. Местные советские консулы вели переговоры с генерал-губернаторами, пытаясь обеспечить сотрудничество с военными в ходе выборов и предотвратить репрессии против кандидатов от «Нацблока» [1, л. 144–147].

Однако военный министр Реза-хан, стремившийся овладеть всей полнотой власти, решил провести в меджлис своих кандидатов и обрушился летом 1923 г. с репрессиями на оппонентов: он способствовал отставке кабинета Мустоуфи-оль-Мемалека; военными были убиты руководители организаций «Национального блока» в Энзели, Тебризе, Керманшахе и других городах; в Гиляне военные власти выслали возможных кандидатов левого крыла и ограничили свободу слова. Полному разгрому подверглись профсоюзы: к 1924 г. в Тегеране осталось всего шесть профсоюзов, насчитывающих 1 300 членов [25, с. 213]. Подверглась преследованиям и компартия: ее печатные органы были закрыты, численность снизилась до 600 человек [1, л. 182–184, 190–212; 5, л. 30; 13, с. 85; 22, с. 58–59; 28, р. 52; 25, с. 213].

Сами выборы фальсифицировались военными властями, широко использовался подкуп избирателей. Многие избирательные комиссии отказались признать законными их результаты или подали в отставку [5, л. 37–38; 22, с. 58–59]. Несмотря на это, Сулейман-Мирзе и некоторым его сторонникам удалось пройти в V меджлис и сформировать там коалицию примерно из 30 депутатов [15, с. 67; 1, л. 185].

Во время выборов выяснилось, что «Нацблок» не оправдал надежд Шумяцкого и не стал массовой легальной национально-демократической организацией. Более того, в мае 1923 г. он раскололся на правое и левое крыло, а в 1924 г. окончательно распался [5, л. 41; 13, с. 85; 17, с. 61].

Таким образом, события лета 1923 г. показали, что политическая жизнь Ирана во многом зависит от Реза-хана, который был фактически диктатором страны и пользовался у населения большой популярностью [19, с. 139; 26, р. 432]. В результате осенью 1923 г. Москва склонилась в пользу сотрудничества с Реза-ханом. ЦК ИКП и Б. З. Шумяцкий поддерживали это решение [4; 5, л. 22, 19–20].

В сентябре 1923 г. Шумяцкий через посредника начал переговоры с Реза-ханом. В частности, Шумяцкий предложил последнему устроить переворот, арестовать некоторых иранских политиков – англофилов и отправить на юг Ирана, для подчинения сепаратистски настроенных племен, не менее пяти тысяч солдат. За это советский полпред обещал Реза-хану материальную поддержку [5, л. 22]. В октябре 1923 г. Реза-хан стал премьер-министром Ирана, включив в состав своего кабинета ряд социалистов (союзников ИКП и Коминтерна), англофил Кавам-ос-Салтане и ряд других политических деятелей были арестованы [7; 9].

Такое поведение Реза-хана, как считает О. С. Меликов, объясняется его подготовкой к борьбе с правящей в Иране династией Каджаров, в которой он хотел опереться на левые элементы [22, с. 63]. Однако это было бы невозможно без изменения политики Москвы (и Шумяцкого) в отношении Реза-хана (переход от борьбы к сотрудничеству). Позже, в декабре 1923 г., Сулейман-Мирза в беседе с секретарем ЦК ИКП К. Гасановым объяснил причину вхождения социалистов в состав кабинета Реза-хана: «Как было условлено с Вами и другими товарищами, мы вели работу все время к привлечению Реза-хана... Благодаря обещаниям друзей (Полпредство) об оказании поддержки и в целях привлечения и использования Реза-хана..., я вместе со своими товарищами вступил в новый кабинет» [5, л. 24].

Осенью-зимой 1923–1924 гг. появились и другие признаки потепления советско-иранских отношений: в Тегеране был открыт Русско-персидский банк, созданы смешанные советско-иранские коммерческие общества («Рупето», «Першелк», «Персхлопок», «Шарк»), советская сторона участвовала в персидской промышленной выставке, персидская – в московской сельскохозяйственной выставке.

В самом Иране Реза-хана пытались перетянуть на свою сторону просоветски настроенные Сулейман-Мирза и его соратники, действовавшие в контакте с Шумяцким и ИКП. В конце декабря 1923 г. Сулейман-Мирза заявил секретарю ЦК ИКП Гасанову, что работа по окружению Реза-хана «нашими товарищами» и удалению от него англофилов «идет вполне успешно» [5, л. 25]. Вместе с тем Реза-хан действовал, прежде всего, в своих интересах и был не намерен «плясать под дудку» левых и советского полпреда. На это указывает изданная 12 ноября 1923 г. правительст-

венная декларация, в которой всем персидским подданным, под страхом наказания за государственную измену, запрещалось посещать иностранные миссии и иметь сношения с иностранцами. Понятно, что, в первую очередь, этот закон относился к ИКП и ко всем, связанным с ней. Реза-хан хотел использовать сближение с левыми в свою пользу, и не был намерен позволить коммунистам и советскому полпредству беспрепятственно распространять свое влияние в Иране.

В начале 1924 г. в Иране, по инициативе Реза-хана и состоявшей из его сторонников партии «Таджеддод», была развернута кампания за уничтожение монархии и установление республики [21, с. 326; 11]. Еще до ее начала Реза-хан добился отъезда в ноябре 1923 г. Ахмед-шаха за границу. С брата шаха, оставшегося в Иране в качестве регента, Реза-хан взял обязательство не вмешиваться в государственные дела [22, с. 64].

Необходимо отметить, что сторонники Реза-хана выступили за немедленное провозглашение республики в Иране, что привело к тактическому расхождению их с левыми. Советское полпредство в противовес лозунгу немедленной республики, которое оно называло «английской проделкой», выдвинуло лозунг созыва Учредительного собрания. Поначалу ЦК ИКП не соглашалось с мнением полпредства, очевидно, боясь внести раскол в республиканское движение, однако не решилось выступать самостоятельно [2, л. 26, 37]. Поэтому ИКП и связанные с ней политические силы пошли вразрез с инициированным Реза-ханом движением.

Сам Шумяцкий, по-видимому, опасался, что англичане в обмен на признание возможным свержения династии Каджаров и провозглашения меджлисом республики без проведения всенародного референдума потребуют большой компенсации у иранского правительства. Эти опасения, скорее всего, разделялись и советским руководством. Так, «Известия» от 14 марта 1924 г. передавали, что в Тегеране «упорно циркулируют слухи» по поводу того, что английская миссия в обмен на обещание признать Иран в случае установления в нем республики потребовала от иранского правительства признания 21-миллионного долга, передачу концессии на эксплуатацию Урмийского озера и продления концессии английского Шахиншахского банка.

Вместе с тем инициированная Реза-ханом и его сторонниками республиканская компания столкнулась с активным противо-

действием духовенства [28, р. 142] и монархических кругов, пассивностью большей части либеральной буржуазии и интеллигенции [2, л. 26]. Восемнадцатого марта 1924 г. фракция «Таджеддод» поставила в меджлисе вопрос о немедленном провозглашении в Иране республики, однако осталась в меньшинстве и потерпела поражение. Большинство депутатов, учитывая непопулярность меджлиса, выбранного под давлением военных и гражданских властей, высказались за то, чтобы этот вопрос был решен на основе плебисцита. Парламентская фракция «Таджеддод», не ожидая такого поворота событий, распалась, а сама партия «Таджеддод» была объявлена распущенной [10].

В результате весной 1924 г. республиканская кампания в Иране фактически сошла на нет, а Реза-хан решил пойти на сближение с духовенством и монархическими кругами [2, л. 26]. Уже в середине марта 1924 г. он начал переговоры с лидером антиреспубликанских сил Модарресом, а затем поехал в священный город Кум. По возвращении, 31 марта 1924 г., Реза-хан опубликовал обращение к населению, в котором заявил о том, что он всегда стремился обеспечить процветание ислама и охранять позиции духовенства в Иране, и поэтому предлагал народу оставить мысль о республике [21, с. 327].

Несмотря на сближение с представителями духовенства, Реза-хан еще долгое время поддерживал контакты со сторонниками республики (иранскими левыми). Так, в конце августа 1924 г., после убийства исламскими фанатиками американского консула в Тегеране Имбри и ареста военными нескольких крупных мулл, один из лидеров монархических кругов Модаррес попытался в меджлисе поставить вопрос об отставке Реза-хана. ИКП и его сторонники оказали поддержку Реза-хану, устроив демонстрацию у стен парламента [2, л. 34]. Аналогично, в декабре 1924 г., была сорвана очередная попытка Модарреса добиться отставки Реза-хана [2, л. 34–35]. В начале 1925 г. при посредничестве представителя купечества Г. Р. Казвини иранскими левыми были начаты переговоры с Реза-ханом с целью совершения военного переворота и установления в Иране республиканского строя с президентом Реза-ханом во главе [2, л. 35]. Очевидно, что Шумяцкий больше не настаивал на созыве Учредительного собрания как необходимого условия для перехода к республиканскому строю. Теперь он был согласен на установление республики с помощью штыков.

Однако вскоре Реза-хан окончательно отказался от республиканских идей и заявил иранским левым, что Иран «еще не созрел для республики». Летом 1925 г. он пошел на компромисс с духовенством и ввел в кабинет министров двух представителей крупных феодалов: Нусрет-од-Доуле и Кавам-од-Доуле. В провинции были назначены новые губернаторы от сторонников феодальной аристократии [2, л. 28]. Вскоре Реза-хан развернул репрессии против левых: к концу 1925 г. было арестовано свыше 800 профсоюзных активистов, членов ИКП и других участников демократического движения [17, с. 65].

Таким образом, стратегия и тактика Б. З. Шумяцкого, направленная на создание «Нацблока» и переход Ирана к республиканскому строю посредством созыва Учредительного собрания, окончательно провалилась. Сам Шумяцкий был вынужден оставить свой пост. Тридцать первого октября 1925 г. на чрезвычайном заседании меджлиса было принято решение о свержении династии Каджаров и избрании Реза-хана временным правителем страны. В ноябре-декабре 1925 г. в Иране под давлением военных прошли выборы в Учредительное собрание, которое высказалось за установление в Иране новой монархии и провозгласило (12 декабря 1925 г.) Реза-хана шахом. В Иране была основана новая династия – Пехлеви, признанная вскоре Великобританией, СССР и другими странами.

Литература

1. Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРФ). Ф. 94, 1923–1925. Оп. 7а, пап. 106. Д. 1. Л. 132–132об; 182–185; 190–212; 144–147.
2. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 90. Д. 109. Л. 26–41.
3. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 90. Д. 59. Л. 2–7об; 37–38.
4. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 90. Д. 75. Л. 17–17об.
5. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 90. Д. 77. Л. 5–9; 19–20; 21–22; 24–26; 30–48.
6. Известия. – 1923. – 20 марта.
7. Известия. – 1923. – 11 окт.
8. Известия. – 1923. – 25 дек.
9. Правда. – 1923. – 31 окт.
10. Правда. – 1924. – 21 марта.
11. Правда. – 1924. – 7 марта.
12. Постановления IV Конгресса Коммунистического Интернационала. – Пг., 1923.
13. Асадулаев К. Свержение династии Каджаров в Иране (1920–1925 годы) / К. Асадулаев. – Душанбе, 1966. – 168 с.
14. Багаев Б. Ф. Борис Шумяцкий: (Очерк жизни и деятельности) / Б. Ф. Багаев. – Красноярск, 1974. – 205 с.

15. Два года борьбы и работы: (Обзор деятельности Исполкома и секций Коммунистического Интернационала за период с IV по V конгресс). – М., 1924.
16. Демин Ю. А. Коммунистическая партия Ирана, ее деятельность и взаимоотношения с Коминтерном (1917–1937 годы) : дис. ... канд. ист. наук. 07.00.03 / Ю. А. Демин. – Иркутск, 2006.
17. Иванов М. С. Новейшая история Ирана / М. С. Иванов. – М., 1965. – 255 с.
18. Ирандуст. Классы и партии современной Персии // Мировое хозяйство и мировая политика. – 1926. – № 2. – С. 59–87.
19. Иранский С. Пути национально-освободительного движения в Персии (1917–1925 гг.) // Персия в борьбе за независимость : сб. статей / М. Павлович, С. Иранский. – М., 1925. – С. 119–154.
20. Иранский С. Пять лет взаимоотношений советской власти с Персией // Новый Восток. – 1923. – № 4. – С. 208–229.
21. История Ирана / отв. ред. М. С. Иванов. – М., 1977. – 488 с.
22. Меликов О. С. Установление диктатуры Реза-шаха в Иране / О. С. Меликов. – М., 1961. – 124 с.
23. Раевский. Персия // Коммунистический Интернационал. – 1923. – № 25. – С. 7072.
24. Хейфец А. Н. Советская дипломатия и народы Востока, 1921–27 гг. / А. Н. Хейфец – М. : Наука, 1968. – 327 с.
25. Эйдус Х. Экономическая политика в Персии и персидский пролетариат // Красный интернационал профсоюзов. – 1927. – № 8–9. – С. 209–214.
26. Fischer L. The Soviets in World affairs / L. Fischer. – London, 1930. – Vol. 1.
27. Haas W. S. Iran / W. S. Haas. – N. Y., 1946.
28. Zabih Sepehr. The Communist movement in Iran. – University of California press, Berkeley and Los Angeles, 1966.

ЕФИМОВА Л. С.

ВЛИЯНИЕ РЫНОЧНЫХ РЕФОРМ НА ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ

Образовательные учреждения как важнейший социальный институт отражают состояние и тенденции развития общества и влияют на него. В свою очередь, изменение в системе общественных отношений активно воздействует на образование, требует от него мобильности и адекватного ответа на задачи нового исторического этапа.

В намечающихся контурах будущего общества образованность все больше относится к разряду национальных богатств, а духовное здоровье человека, разносторонность его развития, широта и гибкость профессиональной подготовки, стремление к творчеству и умение решать нестандартные задачи превращаются в важнейший фактор прогресса страны.